

Наши публикации

Ф. А. ЩЕРБИНА

ПАМЯТИ В. Г. КОРОЛЕНКО

Видно, в русской литературе XIX – начала XX века слишком много первоклассных имен, раз не все из них удостоиваются регулярных юбилейных мероприятий. Вот и 160-летие со дня рождения Владимира Галактионовича Короленко (1853–1921) в июле сего года обойдено широким вниманием властей и нашей читательской публики. Годы меняют многое. Даже Полтава, где прошли последние годы русского писателя, теперь за рубежом. Там теперь русских литераторов вниманием не балуют.

Зато порадовали российские книговеды. Издательство «Паиков дом» подготовило и выпустило к означенной дате пятитомник под общим названием «Неизданный В. Г. Короленко»: три тома публицистики и два – дневников, записных книжек писателя. Хронологически издание охватило его творчество 1914–1921 годов. Поистине роскошное издание для истинных ценителей корифеев реалистической литературы рубежа веков, дорогой подарок знатокам истории литературы и журналистики этой эпохи.

Напомним, что В. Г. Короленко был одним из самых острых публицистов своего времени, зачастую надолго отложив работу над художественными произведениями, ехал на место событий, вступался на страницах периодической печати за несправедливо обиженных. Хорошо известно его горячее участие в деле Бейлиса, статьи 1891–1892 годов о помощи голодающим, выступления против жестоких расправ над крестьянами. Он бесстрашно осудил зверства Гражданской войны и кровавые методы большевиков по строительству в России так называемого «царства свободы».

Дорог писатель и нам, кубанцам. В Джанхоте (близ Геленджика) работает единственный в России мемориальный Литературный музей В. Г. Короленко. Здесь, в доме своего брата Иллариона, Владимир Галактионович неоднократно бывал на отдыхе, который обычно сочетал с интенсивной работой над новыми сочинениями.

Решив внести небольшой вклад в юбилейные мероприятия, публикуем неизвестный даже маститым короленковедам очерк-некролог, написанный соседом по джанхотской даче, видным историком кубанского казачества Федором Андреевичем Щербиной. Предлагаемый материал был опубликован знаменитой парижской газетой «Последние новости» в самом начале 1922 года, когда и оставшиеся в России, и уехавшие в эмиграцию соотечественники скорбели об уходе из жизни человека и писателя, который олицетворял совесть эпохи.

Этот очерк никогда не переиздавался и даже не упоминался в научной литературе.

Владимир Галактионович Короленко

Еще одна огромная не по счету, а по личности потеря в залитой кровью и насилиями России. Я говорю о смерти Владимира Галактионовича Короленко.

Короленко был моим товарищем по Петровской академии [1]. Он поступил в академию годом позже меня, и мне припоминается симпатичное лицо скромного и вдумчиво молодого студента. Маленьким роєм теснилась вокруг него группа сверстников-товарищей по средней школе, в ко-

торой он, видимо, был центральной фигурой.

Мне помнится осторожное и полное достоинства отношение Короленко к решению бурной сту-

денческой сходки, постановившей обратиться к министру гос<ударственных> имущ<еств> Валуеву [2], в ведении которого находилась Петровская академия, с коллективным письмом по поводу грубого и некорректного отношения директора академии к студентам, когда директор запретил посещать общественную столовую одному из рядовых студентов, что было равносильно оставлению опального студента без обеда на все время пребывания в Академии. Как составитель письма по поручению сходки я не получил подписи на нем ни Короленко, ни от одного или группы его товарищей.

Но в этом я не видел ничего предосудительного, кроме естественного желания не ввязываться в историю и не осложнять занятия наукой излишними эксцессами. Короленко был новичком, а в матером студенчестве преобладали два течения: одни студенты стояли за исключительные занятия. Но пропаганда в народе считалась <другими> неотложной необходимостью; не одно служение науке, а еще в большей степени – народу.

То было время революционного подъема молодежи, когда началось издание журнала «Вперед» [3] Лавровым [4] и когда молодым и горячим людям вменялось «идти в народ». Тогда только что улеглась не-

чаевская история [5], происшедшая в Петровской академии и вызвавшая в значительной части молодежи отрицательное отношение к политическому убийству и насилию. Но пропаганда в народе считалась непреложной истиной. Горячие головы требовали почти поголовного отправления молодежи в деревню сеять правильные социалистические идеи, чтобы осветить и вразумить народ, и в числе этих горячих голов были такие внушительные фигуры, как Ковалик [6] и Войнаральский [7], люди зрелого возраста, занимавшие по выборам видные места в народном институте. На молодежь магически действовало одно то уже, что то были председатель съезда мировых судей и почетный мировой судья, да еще с огромной окладистой бородой. И многие бросили науку и двинулись в народ. Студент Короленко, несмотря на столь внушительные и заразные примеры, не пошел при мне из академии в народ на пропаганду.

Я раньше Короленко попал в стан неблагополучной молодежи и, благодаря добродушию и уступчивости директора академии, выпросил у него документы на руки и перешел в Одесский университет. Иначе бы меня, как казака, посадили бы на коня. Но потом оба мы, и я, и Короленко, были захвачены волной административной ссылки и оба попали на север России – я – в дебри волгоградской губернии, а он – к вятчанам, и надолго были разединены друг с другом [8]. Только позже встретились мы снова при посредстве его младшего, также покойного теперь, брата Иллариона, который поручил мне и Вл. Гал. купить на Кавказе участок земли, чтобы устроиться на лоне природы. Мы с Вл. Гал. осуществили это поручение [9].

С тех пор мы встречались с Вл. Гал. и у меня на Кавказе на так называемом Джанхоте, и у него в Полтаве и изредка переписывались. Последнее письмо я послал ему в Полтаву в прошлом году. Не знаю, получил ли он его, хотя у меня и были сведения, что он мог его получить.

Я передаю эти немногие подробности, чтобы сказать, что я имел полную возможность знать и узнать, кто был В. Г. Короленко, как человек, писатель и идейный деятель. У меня сложилось мнение, что такой цельной, устойчивой и нравственно законченной натуры, какой обладал этот человек, трудно было найти в ряду деятелей его положения и интеллектуального ценза. Каким он был в дни своей молодости, таким остался и на склоне лет. Это был непримиримый противник насилия, изуверства и мракобесия, никогда не сходявший с позиций правды и гуманности. И за этой стойкостью активного проявления злу живым правдивым словом еще с большей яркостью выдвинулся образ человека незлобивого, уравновешенного. Сердечного, любящего людей и заботившегося о них при малейшей возможности к тому.

В моей долголетней жизни остались такие свежие впечатления только от двух еще наших писателей. Это был Г. И. Успенский [8] и А. П. Чехов [9]. Мне тогда казалось, что оба они близко стояли к В. Г. Короленко по своей нравственной природе как люди гуманно проникновенные по самому своему естеству. Но Успенского и Чехова я мало знал. Короленко всегда меня чаровал еще одной чертой людей обязательных. Ему как писателю было со-

вершенно чуждо то мелко-завистливое отношение к собратьям по перу, которое так заметно в литературной богеме и кружках. Он искренне радовался при появлении в русской литературе людей хотя бы с самой малейшей искрой талантливости.

Короленко был несомненно крупный писатель. Но почему же он менял этот дар Божий на мелочную борьбу в газетах, на суде, словом и делом в защите угнетенных и поруганных людей, когда его талант указывал ему прямой путь художественного творца, а не роль адвоката, юриста или филантропа? Я знаю, что этот вопрос не раз приходил в голову не мне одному, а многим. И полагаю, этой именно меной таланта на мелкие, но глубоко этические дела и объясняется тайна любящей и гуманной натуры писателя. Иначе он был бы не тем, чем создала его природа и в такую форму отлила потом русская жизнь.

Мне припоминается другой деятель, с таким же несоответствием между талантом и запросами кричащей жизни, как В. Г. Короленко. Это был известный профессор А. И. Чупров [10], обладавший такой же мягкой и гуманной натурой, как Короленко. О Чупрове также говорили, что он разменял свой талант на общественные выступления, на горячие речи и авторитетные слова и, благодаря этому, мало дал литературных трудов сравнительно с тем, что мог бы дать при своей талантливости и глубокой учености.

Сопоставляя эти две похожие по духовному их обаянию личности, можно сказать, что они были истинными людьми своей страны. Их богатая духовная природа не могла помириться с теми прорехами и недочетами, которые назойливо лезли из пропитанной аномальностями жизни на их внимание.

И кто же поставит в упрек В. Г. Короленко, что он не зарыл своего не писательского, не профессионального, а общечеловеческого сердца в фоллианты печатной бумаги, но вкладывал в жгучие дела, назойливо терзавшие это чуткое сердце! Потеря этого писателя более чем когда-либо велика и незаменима именно в данный момент русской жизни. Когда большевизм окутал великую страну тем зловонным туманом, который так клеймил писатель.

Я не хотел бы во имя памяти умершего В. Г. Короленко строить рискованные предположения, но мне кажется, что если бы большевики, участвующие в торжественных похоронах, тронули уста умершего, то он крикнул бы: «прочь лицемеры».

И да хранит господь Бог даже умершего гуманного писателя от Иудина лобызания большевиков-душителей.

Комментарии

1. Петровская земледельческая и лесная академия (1865–1917) – высшее и самое популярное аграрное учебное заведение в тогдашней России.

2. П. А. Валуев возглавлял министерство государственных имуществ Российской империи с 1872 по 1879 г. Этот государственный орган опекал казенные земли, леса, минеральные источники, курировал коннозаводство и пр.

3. «Вперед» – журнал и одноименная двухне-

дельная газета, выходившие в Париже под редакцией П. Л. Лаврова. Пропагандируемые ими идеи «лавризма» – разновидность народничества.

4. П. Л. Лавров (1823–1900) – видный идеолог народничества, философ, публицист, после убийства Александра II сблизился с народолюбцами.

5. С. Г. Нечаев – лидер «Народной расправы». В 1869 году вместе с группой единомышленников убил входившего в его террористскую организацию студента Петровской академии И. Иванова.

6. С. Ф. Ковалик (1846–1926) – революционер-народник, один из идеологов «хождения в народ».

7. П. И. Войнаральский (1844–1898) – народник, политкаторжанин, в конце жизни – член партии социал-революционеров.

8. Г. И. Успенский (1843–1902) – русский пи-

сатель, постоянный автор «Отечественных записок», выходивших под редакцией Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Много путешествовал. В 1886 г. побывал на Кубани. По итогам поездки был написан ряд очерков, вошедших в циклы «Кой про что» и «Письма с дороги».

9. Воспоминания Ф. А. Щербина «А. П. Чехов о казаках» см. в журнале «Культурная жизнь Юга России» (2010. № 1. С. 5–7).

10. А. И. Чупров (1842–1908) – известный экономист и общественный деятель, автор книг о железнодорожном хозяйстве России. Ф. А. Щербина также написал ряд работ на эту тему.

*Публикация, предисловие
и комментарии В. К. Чумаченко*

КУБANO-УКРАИНСКИЕ КНИЖНЫЕ СВЯЗИ В ПИСЬМАХ М. А. ДИКЕРЕВА К А. Я. КОНИСКОМУ

Кубанские исследователи достаточно давно занимаются изучением и публикацией эпистолярного наследия этнографа М. А. Дикарева [1]. Однако сегодня следует ставить проблему шире – принимая в расчет и личный архив его первого биографа А. Я. Конисского, помимо малоизвестных биографических данных о зачинателе кубанской этнографии собранного богатый фактографический материал по истории кубанской культуры, в том числе – ее книжным связям с Украиной.

Коротко расскажем о человеке, благодаря которому имя кубанского ученого не затерялось в истории. Александр Яковлевич Конисский (в украинской орфографии – О. Кониский) родился в дворянской семье 6 (18) августа 1836 года на хуторе Переходовка (Черниговская обл.). После того, как был исключен из гимназии за сочинение стихов на украинском языке, ему пришлось овладеть разносторонними знаниями самостоятельно. С юности его отличали необыкновенный организаторский талант и инициативность. За организацию воскресных школ на Полтавщине и издание учебников для народных школ он был выслан в Вологду (1863), а затем в Тотьму; в 1865 году освобожденный от должности по болезни, Конисский уехал на лечение в Германию. Путь лежал через Львов, с интеллигенцией которого его на долгие годы свяжет плодотворное сотрудничество. Вернувшись на Украину, жил в Елизаветграде (ныне Кировоград), Бобринце, Екатеринославе (Днепропетровск). В 1872 году переехал в Киев, где зарабатывал на жизнь адвокатурой.

А. Я. Конисский принимал активное участие в издании украинских журналов «Зоря» и «Правда», в основании «Наукового товариства ім. Шевченка», которое стало прообразом украинской академии наук. В 1861 году он дебютировал на страницах издававшегося в Петербурге украинского журнала «Основа». С тех пор его имя оказалось накрепко связано с «основнянами», в числе которых были и первые кубанские литераторы Я. Кухаренко, В. Мова (Лиманский), П. Барилко и С. Шаран. Среди адресатов его писем видим и других кубанцев – С. Эрастова, Л. Мельникова и М. Дикарева, переписка с которым завязалась в 1893 году, незадолго до переезда этнографа на Кубань [2].

Фонд А. Я. Конисского, в котором сосредоточены письма М. А. Дикарева, хранится в Отделе рукописных фондов Института литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины (фонд 77, № 189–214). Отобранные нами для публикации четыре наиболее характерных, на наш взгляд, письма Митрофана Алексеевича из-за их обширности, а также из-за ограниченного объема нашей статьи приво-

дятся в сокращении (на русском языке публикуются впервые, перевод сделан автором публикации). Эти эпистолярные тексты отражают интенсивный книжный обмен, зародившийся на рубеже XIX–XX веков между Украиной и Кубанью и приведший в конце концов к постановке вопроса об организации в области регулярной книжной торговли украинской книжно-журнальной продукцией.